

нец, к завершающей их вдруг, будто совсем неожиданно, притче — такой была органичная внутренняя динамика драматургического метода Шоу».

Ценность работы А. Образцовой прежде всего в ее исследовательском пафосе. А. Образцова всегда стремится выяснить социально-историческую, историко-литературную и эстетическую закономерность того или иного принципа драматургического метода Шоу.

Заслуживает несомненного одобрения и пристальное внимание автора к поздней послеоктябрьской драматургии Шоу. Кстати, на Западе весьма распространено скептическое отношение к поздним драмам Шоу. Между тем без послеоктябрьской «экстраваганцы» Шоу невозможно разобраться в творчестве драматурга.

При всем этом хорошая книга А. Образцовой не лишена и недостатков. Основной из них заключается в том, что автор почти целиком игнорирует традиции современной Шоу английской и ирландской драматургии. А. Образцова соотносит

драматургию Шоу только с драматургией Шекспира и Уайлда (единственный раз упомянуто имя Джонса), вследствие чего несколько смещаются акценты.

Другой недостаток связан с самой методикой исследования, избранной автором монографии. Разумеется, никто не может возражать против жанра проблемной монографии. Но некоторую неудовлетворенность вызывает дробность анализа. Отдельные драмы Шоу становятся объектом частного анализа около семи-восьми раз на протяжении всей книги, что не способствует цельности восприятия. Это мешает подчас показать в общем плане творческую эволюцию художника.

В целом книга А. Образцовой серьезное исследование, которое окажет большую пользу работникам театра, литературоведам; с интересом она будет прочитана и широким кругом любознательных советских читателей.

И. КАНТОРОВИЧ

г. Свердловск

КОРОТКО О КНИГАХ

КАК ПОНИМАТЬ ПОЭЗИЮ *

На суперобложке четыре фото-портрета: К. Симонов, М. Дудин, Е. Евтушенко, А. Твардовский. О чем книга, о них? Это стремился подчеркнуть художник? Но тогда оформление несколько расходится с общим замыслом книги. Ведь главам о поэзии Симонова, о «Переправе»

Дудина, о творчестве Евтушенко и о «За далью — даль» предшествует еще одна. Именно эта первая глава — ключ ко всей книге. И достаточно прочитать ее, чтобы стало ясно: замысел автора намного шире; его работа — прежде всего о том, как понимать поэзию.

Казалось бы, что нового можно сказать на эту тему?

«Велик гений Ньютона, но за-

* В. Барлас, Глазами поэзии. Об открытиях искусства и современных поэтах, «Советский писатель», М. 1966, 243 стр.

кон всемирного тяготения был бы открыт и без него,— может быть, и по-другому, но точно с тем же значением. А если бы Пушкин не написал «Я помню чудное мгновенье», у нас никогда не было бы ничего подобного — как полно ни отражало бы искусство любви проявления жизни» (стр. 241).

Эти строки взяты из предпоследнего абзаца книги. Но они могли бы послужить и началом ее: единая мысль о том, что открывается в жизни исключительно благодаря искусству поэзии, пронизывает книгу А. Барласа буквально насквозь.

Первая глава книги, несмотря на то, что она несколько затянута, одна из самых интересных. На убедительных примерах показаны слабости формально-тематического анализа поэтического произведения.

Здесь пушкинское «Поэт и толпа» и статья Писарева «Пушкин и Белинский», «Радоваться рано» Маяковского и брошюра Шенгели «Маяковский во весь рост», «Новые стихи» Алигер и критические статьи Трегуба и Ермилова... Критики, как и поэты, очень разные. Статья Писарева (1865) написана в годы борьбы эстетической и «реальной» критики, брошюра Шенгели (1927) — в период «ниспровержения» футуристами классиков, в статьях об Алигер отдана известная дань нормативной критике конца 40-х годов. И все же в характере суждений о поэзии много общего. Общим, справедливо отмечает автор, было то, что *«центр тяжести критического анализа перемещался на рассуждения, которые сами по себе могли быть верны, но не объясняли своеобразия произведения»*. Так происходило потому, что *«рассуждения развивались независимо от жизни произведения и относились только к явлениям действительности, со-*

ответствующим *его теме*. Оценка, опирающаяся *только* на сравнение произведения с результатами этих рассуждений, неизменно оказывалась односторонней, и мы приходили к выводу, что *плодотворная оценка должна опираться и на объяснение внутренних закономерностей произведения»* (стр. 60).

Истина как будто бы простая, но сколько раз она забывалась да и сегодня еще подчас забывается. Вот почему приходится вновь и вновь напоминать о том, что нельзя анализировать произведение, исходя лишь из самых общих критериев, и точно так же нельзя говорить о действительности как основе произведения, уклоняясь от конкретного разговора о художественной природе произведения, о его специфике.

Следующая глава — о поэзии Симонова (в основном о цикле «С тобой и без тебя»). Глава построена как дорожный разговор попутчиков по купе, но разговор отнюдь не безмятежный, а такой, когда поэзия, настойчиво вторгающаяся в повседневную жизнь, оказывается в центре разных типов читательского восприятия. Со вступлением в разговор каждого нового собеседника читатель как бы поднимается ступенькой выше в понимании поэзии Симонова.

Но напрасно читатель будет ждать «подведения итогов»: автор к этому и не стремится. Не стремится потому, что понимает, что не всегда о поэзии можно судить окончательно и бесповоротно. Слишком многое зависит и от жизненного опыта поэта и читателя, и от их представления о задачах поэзии, и от отношения ко многим вполне конкретным вещам в самой жизни. Зато автор ненавязчиво и в то же время постоянно приглашает читателя вместе с ним поразмыслить над стихами и со-

поставить различное их восприятие и толкование.

Следующие главы внешне построены проще. Это уже прямой разговор автора с читателем, так сказать, разговор без посредников.

О «Переправе» Дудина и об испытании человека войной, об искренности этих стихов и о стремлении пережитым в годы войны осмыслить будущее.

О поэзии Евтушенко, об исканиях молодости, об отсутствии четких идейных и поэтических критериев в некоторых стихотворениях, о романтике революционных преобразований и гражданской позиции поэта в лучших его произведениях.

Наконец, о поэме Твардовского «За далью — даль», о пути худож-

ника к народу, о глубине его переживаний и об ответственности перед читателем.

И за всем этим, как и в главе о лирике Симонова,— стремление обнажить самую суть поэзии, показать особенности видения мира именно данным поэтом.

Конечно же, книга вызовет споры, в каких-то конкретных случаях читатели останутся при своем «особом» мнении. Но ведь это было ясно с самого начала автору книги. При этом читатели не смогут не отметить точности наблюдений критика. А наблюдения эти и выводы из них важны не просто сами по себе. Они помогут читателю задуматься над вроде бы уже известным и постигать глубины, ранее остававшиеся скрытыми.

А. СТАРКОВ

БЕЛОРУССКАЯ ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОЗА *

Белорусская проза сравнительно молода. В своих основных жанрах она начала складываться и развиваться в начале XX века, хотя не следует забывать, что и в XIX столетии был создан ряд прозаических произведений, оставивших свой след в истории белорусской литературы, но незаслуженно забытых. Более интенсивный период развития прозы падает на последнее предоктябрьское десятилетие. В эти годы подъема революционного и национально-освободительного движения складывалось творчество таких писа-

телей, как Якуб Колас, Змитрок Бядуля, Ядвига Ш. (Антон Левицкий), Максим Горецкий, Тишка Гартный; входили в литературу многие другие прозаики. Несмотря на это, в настоящее время из всех видов белорусской дооктябрьской литературы меньше всего исследована проза. И потому заслуживает поддержки сама попытка, сделанная сотрудниками Института литературы имени Янки Купалы АН БССР, собрать в отдельном сборнике лучшие образцы белорусской дооктябрьской прозы, отразить таким образом картину живого процесса ее развития.

Книга «Белорусская дооктябрьская проза» составлена по хронологическому принципу. Открывается она рассказами виднейшего демокра-

* «Белорусская дооктябрьская проза». Сборник текстов. Составитель В. В. Борисенко. Сверка текстов, замечания и пояснения к ним А. Д. Атаевой, «Наука и техника», Минск, 1965, 428 стр. (на белорусском языке).